

Р.А. СМЕРНОВА,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК (МИНСК)

ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА БЕЛАРУСИ: ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ

Доказывается, что обеспечение всеобщей занятости в различных типах сельской экономики (как формальной, так и неформальной), расширение возможностей предприятий и хозяйств с различными формами собственности, использование всех типов кооперативного движения, развитие инфраструктуры, повышение качества жизни крестьян и гарантирование продовольственной безопасности страны являются основными критериями оценки эффективности сельского хозяйства Беларуси в условиях глобальной экономики.

Providing full employment in various types of agricultural economy (both formal and informal), enlarging possibilities of the enterprises and households with different forms of property, using of all types of cooperative movement, infrastructure development, high quality life of the peasants and ensuring of the country's foodstuff safety are proved of to be the main criteria to assess the effectiveness of Belarusian agriculture under global economy.

В научной литературе экономическую эффективность определяют как результативность экономической системы, выражающуюся в отношении полезных конечных результатов ее функционирования к затраченным ресурсам. При этом отмечается многоаспектность и многоуровневость понятия эффективности, зависящие от масштабов систем экономики. Различают макроэкономические системы, носителем которых являются государство, страна в системе международной экономики; региональные, отраслевые экономические системы (мезауровневые); а также микроуровневые, включающие предприятия и организации. При этом утверждается, что каждая из названных экономических систем имеет свои вполне определенные критерии эффективности. Например, эффективность отдельного СПК (ЧУП или фермерского хозяйства) характеризуется производством максимального объема товаров с высоким качеством и наименьшими издержками; эффективность сельского хозяйства как отрасли складывается в результате сложного синергетического эффекта таких особенностей производства, как зависимость от климатических условий, плодородия почвы, сезонности производства и др. На них, кроме сугубо объективных, исторически и территориально определенных условий сельского хозяйства, налагаются специфические социально-экономические факторы: ценовая неэластичность спроса на сельскохозяйственное сырье и на готовые продукты питания, высокая степень конкуренции на рынке однородной товарной продукции; зависимость от монополии промышленных предприятий первой и третьей сферы; высокая капиталоемкость, энергоемкость, подверженность рискам и др.¹

Если учесть, что эффективность сельскохозяйственной сферы напрямую зависит от человеческого потенциала страны, от образованности людей, их инновационно-технологической восприимчивости, культуры и специфического менталитета в отношении собственности, земли, природы, человека, растительного и животного мира в целом, то можно только предположительно судить о всей сложности и бесконечности вариантов соотношения слагаемых, влияющих на ее рост на каждом из описанных выше уровней.

Как правило, объясняя синтетический эффект микро-, мезо- и макроуровней экономической эффективности сельского хозяйства, ученые выводят эффективность высшей макросистемы из эффективности низших (микро- и мезосистем) как кумулятивный результат сугубо экономической эффективности. В определенной степени такая зависимость есть, но, на наш взгляд, именно требования к сельскому хозяйству на макроуровне, т. е. государства и общества, определяют основной критерий эффективности отрасли, обуславливая показатели эффективности в мезо- и микроэкономических системах.

В этом смысле главным критерием эффективности сельского хозяйства Беларуси на уровне макроэкономики страны в целом является удовлетворение потребностей населения, высокое качество жизни и обеспечение продовольственной безопасности. Существует довольно распространенное мнение о том, что конкурентоспособность товаров и отраслей на международном рынке сельскохозяйственной продукции является основным показателем его эффективности. В основе его лежит идея сравнения с развитыми мировыми системами, опирающаяся на концепцию линейного развития истории, не учитывающая культурно-исторических и природно-климатических условий развития сельского хозяйства, а также протекционистской политики государств данных систем, проводимой в отношении своих сельхозпроизводителей.

В этом плане примеры ведения сельского хозяйства в США, Германии, Англии, Франции, Голландии выступают не только образцом, но и упреком в отношении отечественного сельского хозяйства, призывающим отказаться от своей традиционной сельскохозяйственной культуры и перейти на рыночные отношения, включаться в ЕЭС, ВТО, глобальные ТНК и т. п. При этом утверждается, что сельское хозяйство Беларуси плохое, т. е. малоэффективное. Вспоминаются достижения голландских, американских и финских фермеров. Уместно ли такое сравнение? Что такое эффективность сельскохозяйственного производства вообще и в нашей стране в частности?

Прежде чем ответить на эти вопросы, попытаемся выяснить, зачем нашей стране необходимо сельское хозяйство, в чем цель его существования и развития? Возможно ли эффективное хозяйство в агросфере Беларуси? Что такое эффективное сельскохозяйственное производство? В условиях сложившейся экономической системы открытого Мирового рынка речь идет именно о рыночной эффективности сельского хозяйства, где в качестве основной формы ценности выступает денежная оценка. В данном случае информация о продуктах производства распространяется через цены, ключевым типом отношений является обмен, а квалификация агента оценивается по его покупательской способности или способности продать. Между тем данный, т. е. рыночный, способ координации, регулируемый ценами и краткосрочными калькуляциями, постоянно вступает в противоречие с другими сферами деятельности, или «мирами» (В.В. Радаев). Имеются в виду «миры» – индустриальный, домашний, гражданский и др., выступающие в качестве «фундаментальных режимов вовлеченности и связи» со своими ценностями, порядком и координацией действий.

Для оценки эффективности сельского хозяйства на макроуровне необходимо четко дифференцировать ситуации, связанные как с его рыночной, так и с экономической, социальной и производственной эффективностью. При условии открытости рынка товаров, а также географической и климатической специфики нашей страны оно становится неэффективным в глобальном масштабе (если понимать под эффективностью высокую доходность на единицу вложений). Известно, что биологический потенциал почв в США в среднем почти в два (точнее – в 1,87) раза выше, чем у нас. Это значит, что при тех же материальных затратах фермер США на единицу труда производит на 87 % больше продукта, чем наш крестьянин. Существует «коэф-

фициент биологической продуктивности» почв разных стран. Для России и Беларуси он принят равным 100, тогда как в США он равен 187, в Западной Европе – около 150, в Индии – 363, а в Индонезии – 523.

Кроме этого показателя, стоит обратить внимание на всю систему производственных издержек, связанных с климатическими условиями в стране. Это – более высокие затраты на хранение и переработку сельхозпродукции (поддержание температурного режима в производственных и складских помещениях), значительные расходы на обогрев жилых помещений, теплую одежду, особый тип питания, ускоренный износ инфраструктуры. В Беларуси, например, влага, проникающая в микроструктуры асфальта на дорогах, замерзает и превращается опять в воду более 50 раз за год, что приводит к разрушению дорожного покрытия гораздо быстрее, чем, например, в Германии.

Выходит, что в условиях открытого Мирового рынка вкладывать средства и усилия в развитие сельского хозяйства на нашей земле нет никакого смысла. Продуктивность земель, например, в Бразилии или Юго-Восточной Азии несравненно выше. Но не будем ходить так далеко, сравним Беларусь с Кубанью. У сельскохозяйственного продукта, произведенного в Беларуси, себестоимость будет всегда в среднем выше, чем у аналогичного продукта, произведенного в более благоприятных регионах других стран, какой бы формы собственности ни было сельхозпредприятие. В эту ситуацию попадает в одинаковой степени и колхозник, и фермер, и наемный работник, и руководитель крупной капиталистической фирмы.

Поэтому, ставя во главу угла эффективности сельского хозяйства страны критерий конкурентоспособности, замечает ведущий ученый Центра аграрной экономики НАН Беларуси З.М. Ильина, нужно помнить, «что взаимоотношения рынка продовольствия Беларуси с мировым необходимо строить с учетом двух непреложных факторов. Первый: Мировой рынок – это рынок товаров, производимых в лучших условиях или имеющих высокий уровень экспортной поддержки, в связи с чем мировые цены всегда будут ниже себестоимости производства в худших условиях. Второй: условия производства в республике характеризуются сложными природными и экологическими факторами и повышенной степенью риска. Аграрная сфера республики находится в худших условиях, продукция отличается высоким уровнем затрат по сравнению с благоприятными регионами»². Из этого следует, что если для оценки сельскохозяйственного производства мы выберем критерий рыночной экономической эффективности, то нам нужно просто отказаться от собственного сельского хозяйства и покупать продовольствие на внешнем рынке, культивируя, например, только лес или лен. Действительно, по этой логике, незачем платить отечественному производителю больше за тот же продукт, который дешевле можно купить, скажем, где-нибудь в Польше, Португалии или Бразилии.

Но, принимая версию рыночной эффективности сельскохозяйственного производства в качестве мерила уровня хозяйствования на селе, необходимо четко осознавать последствия реализации подобного подхода. Во-первых, чтобы купить, надо продать. Вопрос состоит в том, хватит ли у Беларуси экспортной выручки от продажи промышленной продукции, чтобы оплатить импортное продовольствие. Во-вторых, даже если самим производить, но на условиях частной собственности, то придется думать о том, как быть с освободившейся половиной населения страны, поскольку содержать такое количество людей на социальные пособия она не в состоянии, а резкого роста рабочих мест в промышленности и в сфере услуг в ближайшем будущем не предвидится. Отечественные экономисты – сторонники частнособственнических отношений в сельском хозяйстве – так и считают: «Действующие крупные предприятия надо целенаправленно передавать в собственность наиболее дельным перспективным руководителям и специалистам сельского хозяйства. Но важно одно: истинных собственников долж-

но быть немного, иначе теряется всякий смысл рыночного реформирования. Остальные работники могут по-прежнему работать на условиях наемного труда. Однако нельзя требовать, чтобы собственники и предприниматели сохраняли и обеспечивали материально всю существующую «армию» наемного труда в сельском хозяйстве»³. Более того, по подсчетам экономистов, для эффективного функционирования сельхозпроизводства достаточно иметь не более 10 работников на 100 тыс. га.

Необходимо учитывать, что поступление на отечественный рынок дешевых (но не всегда качественных) импортных товаров также усугубит положение с рабочей силой: закроются предприятия, появится масса безработных в промышленной сфере. Речь идет именно о половине населения страны, поскольку, кроме сугубо сельского населения, существует масса людей, занимающихся переработкой, доставкой, хранением сельскохозяйственной продукции, обслуживанием самого сельского населения и всей социальной инфраструктуры на селе. Сюда входят жители средних, малых городов и поселков городского типа. Можно заранее предположить, что эти люди вряд ли будут довольны статусом безработного без средств к существованию и перспектив на будущее. В-третьих, встанет вопрос о продовольственной безопасности страны. И последнее – возникнет опасность уничтожения крестьянства как основы нации.

По нашему мнению, рыночная эффективность отечественного сельского хозяйства – вопрос, который может иметь смысл не в рамках общемирового рынка, а в подсистемах типа миров-экономик, будь то Общий аграрный рынок Союзного государства Беларуси и России, экономический союз СНГ, Центральноазиатский экономический союз (ЦАЭС), ГУУАМ (группа взаимной поддержки: Грузия, Украина, Узбекистан Азербайджан, Молдова), ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство (ЕЭП). Предпосылками подобной межстрановой интеграции являются сопоставимость рыночного развития участвующих стран, их географическая близость, общность стоящих перед ними проблем, стремление не остаться в стороне от интеграционных процессов. Известный философ Ф. Бродель первым построил концепцию миров-экономик (впоследствии развитую И. Валлерстайном), в которых осуществляется хозяйственная деятельность. По мнению Броделя, сутью хозяйственного развития является не рентабельность, прибыль, доход, а функционирование некоего мира – хозяйственной целостности, естественной реальности, обладающей специфическим единством природно-климатических, технико-технологических, институциональных, культурологических и других элементов, создающих и поддерживающих воспроизводственный процесс хозяйственной жизни на данной территории⁴. Это не исключает возможностей развивать торговые отношения с другими мирами и странами, особенно в условиях, подобных современным, когда мир озабочен проблемой продовольствия. Но конъюнктура рынка нестабильна, подвержена климатическим, социально-психологическим, инновационным воздействиям (регуляторам), а главное – экономическим циклам производства и потребления. Поэтому ставки необходимо, на наш взгляд, делать не на ТНК и ВТО, а на внутренний рынок и рынки миров-экономик, имеющих сходные характеристики и проблемы.

С точки зрения предложенного подхода вопросы и проблемы, стоящие перед нашим сельском хозяйством, видятся в ином свете. Во-первых, теряет смысл часто повторяемое утверждение, что у нас сельское хозяйство плохое. Что значит плохое? Ведь и так понятно, что себестоимость отечественной продукции будет выше той, какую предлагает Мировой рынок, как бы ни старались наши крестьяне. Поэтому до тех пор, пока наш рынок продовольствия открыт, сельскохозяйственная отрасль в Беларуси не сможет обеспечить себе среднюю норму прибыли. Если себестоимость тонны зерна с 1985 по 1989 г., например, во Франции была 207 долларов, то в Герма-

нии – уже 344, а в Финляндии, которую так любят приводить в пример многие реформаторы, – 482 доллара. Получается, что по климатическим условиям нашу страну, хотя и с натяжкой, но можно сравнить с Финляндией. Сейчас, чтобы финский производитель зерна мог продавать свой продукт, государству приходится датировать его (разными способами) в размере 800 долларов США на 1 га (в 1989 г. – 400 на 1 га). Если бы не эта помощь, результат был бы плачевный.

Кстати, как отмечают специалисты Центра аграрной экономики НАН Беларуси, ЕС ежегодно расходует более 40 млрд евро на реализацию общей аграрной политики, т. е. 45 % от общих объемов его бюджета, в то время как вклад сельского хозяйства в валовой внутренний продукт (ВВП) составляет только 2 %. На дотации для поддержания цен и доходов крестьян приходится 80 % от всех расходов на проведение общей аграрной политики, хотя их доля равняется лишь 5 % экономически активного населения ЕС. Совокупный уровень сельскохозяйственной поддержки составляет более 800 долларов на 1 га. Аграрный протекционизм привел к тому, что цены на продукты в ЕС в среднем на 20 % выше, чем на Мировом рынке⁵. Поэтому, прежде чем обвинять наше село во всех смертных грехах, нужно, посчитав все дотации ЕС в свое сельское хозяйство, сравнить, насколько эффективны западные сельхозпредприятия и фермерские хозяйства, если в них необходимы такие огромные вложения, и посмотреть, кто же на самом деле эффективнее.

Наше государство подобных дотаций предложить не в состоянии, а некоторые отечественные производители в попытках продержаться хотя бы на нулевой рентабельности не могут обеспечить высокую заработную плату и социальные услуги на селе, разрушая тем самым систему социальных отношений сельского общества, приводящих к снижению качества жизни, оттоку молодежи в города, к запустению небольших сел и деревень. Те дотации, которые получает наш крестьянин через льготные цены на горюче-смазочные материалы и т. п., сравнительно с Европой ничтожны. Поэтому напрашивается вывод, что если ограничить наш рынок сельхозпродукции, например, Общим аграрным рынком Союзного государства и подобными организациями, защитить его от воздействия Мирового рынка, то окажется, что белорусское сельское хозяйство вовсе не плохое, а очень даже хорошее и высокоэффективное.

В этом плане есть смысл обратиться к рассуждениям по поводу формы собственности в сельском хозяйстве, настойчивым доводам того, что проблема смены собственника сельскохозяйственного предприятия сейчас крайне необходима. Эту остроту проблемы объясняют потребностью быстро интегрироваться в мировое хозяйство, ВТО, «необходимостью сквозного сокращения удельных издержек производства, их оптимизации и роста конкурентоспособности. Иначе как на частной основе этого достичь в массовом плане практически невозможно». При этом подчеркивается, что «в целом государственная собственность, и тем более организация сельского хозяйства на ее основе, имеет общепризнанные оценки как неэффективная»⁶.

В процессе приватизации предлагается передать крупные и успешные сельхозпредприятия в руки их руководителей, что, по мнению сторонников частной собственности, приведет к усилению мотивации труда и по совершенно непонятным причинам – к появлению вертикально интегрированных крупных корпораций.

Данное предложение вызывает вопросы. Когда в 1990-е гг., в эпоху реформ, предлагалось передать колхозы в частную собственность, идея состояла в том, чтобы собственниками стали миллионы крестьян, заинтересованных в капиталистическом развитии своих индивидуальных крестьянских и фермерских хозяйств. И хотя этот подход, как сегодня стало очевидно, противоречит и традициям хозяйствования на нашей земле, и принци-

пам успешной экономической организации, он имел свою логику, основанную на экономической истории некоторых стран Запада. Суть его в том, что обладание собственностью должно мотивировать к эффективному труду именно миллионы крестьян. Но сейчас идея передать успешные крупные сельхозпредприятия в руки их нынешнего руководства является не более чем лоббированием интересов директорского корпуса и к государственной пользе не имеет никакого отношения, а к общественному благу – тем более. Но если подобный способ мотивирует только новоявленного собственника – руководителя предприятия, а все остальные работники остаются просто наемными рабочими и служащими, возникает вопрос: если, кроме передачи сельхозпредприятий в собственность, целью является укрупнение их и соединение в громадные интегрированные корпорации, так почему бы сразу не передать все сельское хозяйство страны в собственность министру сельского хозяйства? Он сразу станет «замотивированным» и соответственно начнет работать гораздо лучше и эффективнее.

На самом деле в мировой практике превалируют тенденции, прямо противоположные предлагаемым. Вся вторая половина XX в. прошла под флагом «революции менеджеров», как назвал свою книгу Дж. Бэрнхем в далеком 1941 г. Об этом феномене писали также известные социологи П. Друкер, П. Сорокин, Т. Парсонс, Д. Белл, Р. Дарендорф и др. Суть названной революции в том, что право собственности отделилось от управления: владеют одни, а непосредственно распоряжаются другие – наемные менеджеры.

Если в сфере малого бизнеса управление еще находится в руках собственника, то на уровне среднего и крупного бизнеса основным управленцем является наемный менеджер. И надо заметить, это не оказывает отрицательного влияния на качество управления, т. е. управление и обладание собственностью – это уже разные вещи. Собственность может быть разведена среди множества мелких акционеров, доли ее принадлежать всевозможным фондам и страховым компаниям, а также и государству. Таким образом, нет никаких оснований считать, что собственники будут работать более эффективно, чем наемные менеджеры, которыми сегодня и являются директора предприятий. Тем более что приватизация собственности, как отмечают западные ученые, однозначно не определяет эффективность и конкурентоспособность экономики. Согласно модели «сочетания распределения и роста», разработанной Х. Ченери и М. Ахлувалия, прогрессивное и справедливое перераспределение доходов и собственности между социальными группами сопровождается ростом совокупной производительности и в результате приводит к существенному росту доходов как бедных, так и небедных домохозяйств⁷.

Основным аргументом в пользу передачи сельхозпредприятий в руки их руководства является, по мнению авторов этой идеи, возможность избавиться от давления чиновничье-бюрократического аппарата государства, от чего якобы собственники застрахованы. Но история показала, что и частные предприятия могут достаточно жестко управляться со стороны государства: фашистская Италия (С. Вишнев. Военная экономика фашистской Италии. М., 1946), нацистская Германия (R.J. Overly. War and Economy in the Third Reich. 1994), военная и послевоенная Англия (E. Watkins. The cautious revolution: Britain today and tomorrow. 1975) и т. д. Впрочем, и в Европейском Союзе государственное регулирование сельского хозяйства является достаточно жестким. Тезис о якобы негативном влиянии вмешательства государства в экономику, на экономический рост опровергается западными экономистами. Они считают, что значение имеет не сила государства, а «качество». Если государство генерирует гиперинфляцию, огромный бюджетный дефицит, неэффективную бюрократию, в том случае оно оказывает разрушительное влияние на экономику⁸.

Почему же в таком случае предприятия, принадлежащие государству, не могут свободно действовать на рынке, если их отношения с государством ограничатся только отношениями собственности (например, государство владеет полным или контрольным пакетом акций предприятия)? Тем более что совершенно чистый, идеальный рынок в сельском хозяйстве сегодня невозможен, за исключением архаичных обществ. Там, где сельское хозяйство дотируется в той или иной форме, государству приходится брать на себя определенные функции по управлению отраслью вплоть до конкретных предприятий (опять же известный опыт Евросоюза).

Таким образом, вопрос ликвидации излишне мелочного государственного регулирования на рынке сельскохозяйственного производства и вопросы приватизации, изменения структуры собственности разные и их нельзя смешивать.

Кроме всего сказанного, не последнюю роль играют вопросы элементарной справедливости. Нужно не забывать, что крупные и успешные сельскохозяйственные предприятия, а именно их сегодня и предлагают передать в руки директорского корпуса, – это немалый капитал, собственность, созданная как трудом самих работников предприятия, так и в результате солидных государственных вливаний. И поэтому эта собственность в конечном счете принадлежит всему белорусскому народу. Так на каких же основаниях эти земли, строения, основной и оборотный капиталы должны быть переданы тому или иному лицу? В средние века феодалы даровались королями, собственниками земли, но мы живем не в средние века. Можно еще понять продажу этой собственности, если уж так не устраивает государственная, но речь-то идет о передаче. Вряд ли суммы, достаточные для покупки целого успешного хозяйства по полной его стоимости, имеются на руках у нынешних директоров, если, конечно, не обанкротить эти предприятия предварительно. Впрочем, это уже область уголовного законодательства. Превалирование частной собственности над другими ее видами не является гарантией эффективного развития рыночных отношений: «Душа рынка – конкуренция, а не собственность... Конкуренция выталкивает неэффективные предприятия, которые могут быть как частными, так и государственными. В то же время смена собственности, как показали лонгитюдные исследования промышленности Словении в 1994–2004 гг., не оказывает существенного влияния на эффективность»⁹.

Но если уж так хочется приватизировать сельскохозяйственное производство, то проще акционировать эти предприятия с последующей продажей акций через биржу. Так страна хотя бы достойные деньги получит за свою собственность. Дж. Стиглиц, лауреат Нобелевской премии, оценивая результаты реформ в России, отмечал «две стратегические ошибки»: «Во-первых, были созданы стимулы скорее к грабежу государственной собственности, чем к накоплению капитала. Во-вторых, были уничтожены те немногие достижения, которые оставила коммунистическая эпоха. Одним из таких достижений был высокий уровень человеческого капитала. Другая часть промотанного наследства, причем промотанного с серьезными политическими последствиями, – относительное равенство...»¹⁰

Сторонники передачи всех ресурсов сельскохозяйственного производства в частную собственность в Беларуси утверждают, что наша экономика и законодательство застрахуют от таких негативных явлений, как скупка земель, спекуляция и т. п. Обосновывается это утверждение тем, что скупка в крупных масштабах земель в Беларуси невозможна, так как «аграрная стратегия страны ориентирована на развитие крупных товарных сельскохозяйственных предприятий, которым принадлежит приоритет в эффективности хозяйствования, поскольку в них интегрируется труд, средства производства и капитал и они ориентированы на производство продовольственных товаров под потребительский спрос. Скупка земель коммерческими

структурами также маловероятна. Они не станут вкладывать средства ради приобретения и концентрации земель и омертвлять капитал, который должен находиться в обороте и приносить прибыль. Концентрация сельскохозяйственных угодий в банках также маловероятна»¹¹.

Можно согласиться с тем, что в условиях рентабельности, какая возможна в нашем сельском хозяйстве на сегодняшний день, капиталы на село не пойдут. Согласно экономическим законам, они «уплывают» из тех отраслей и видов производства, где не обеспечивается хотя бы средняя норма прибыли. Вообще, надо четко понимать, что такое предприниматель, собственник и чем он отличается от частновладельческого крестьянина, мелкого товаропроизводителя. Частный собственник – это в первую очередь капиталистический предприниматель, а не сельский работник, он поступает только в соответствии с законами рынка и экономической выгоды. Если средняя рентабельность в сельском хозяйстве будет хоть на несколько процентов ниже, чем, например, в торговле, ни один предприниматель не вложит деньги в село. Это касается также фермерства, эффективность которого сегодня если и возможна, то при условии государственных дотаций и исключительной (иррациональной) привязанности к земле. Когда приводят примеры успешных фермерских частных хозяйств в Беларуси, не всегда точно указывают на то, что именно позволяет этим хозяйствам быть успешными. Как правило, они занимают весьма специфические ниши рынка, каковые не могут быть массовыми по определению: один разводит гвоздики, зелень в парниках, другой набивает подушки гусиным пухом, третий выращивает шампиньоны. Их деятельность может быть высокорентабельна, но она не имеет отношения к массовому производству основных продуктов сельского хозяйства. Средняя прибыль должна достигаться при выращивании картофеля, зерновых, производстве мясомолочной продукции. Поэтому именно СПК, крупные коллективные хозяйства позволяют выживать селу; при дроблении же колхозов на мелкие, псевдофермерские клочки наше село просто рухнет.

Эту мысль подтверждают ученые Центра аграрной экономики НАН Беларуси. Основным способом повышения эффективности они называют освоение механизмов продовольственной кооперации. Кооперация крупных и средних сельхозпредприятий опирается на так называемые отношения конкурентной кооперации. На основе гибких соглашений, контрактов и субконтрактов они совместно используют обширную специальную информацию о состоянии рынка сельскохозяйственной продукции, технологий, потребности и предложений работников нужной квалификации, а также коммуникационную и социальную инфраструктуру. Затраты на кооперативные услуги несопоставимы с затратами отдельно взятого предприятия, для которого все эти услуги просто недоступны. В Беларуси уже осуществляют такие кооперации предприятия молочной и мясоперерабатывающей промышленности, имеющие известные брэнды, товарные знаки, имидж не только в своей стране, но и за рубежом. Благодаря данным кооперативным образованиям появляется возможность различным производителям сельскохозяйственного сырья (фермерским хозяйствам, СПК и ЧУП, кооперативам домохозяйств) объединяться под наиболее известными торговыми марками. Кроме того, крупные концерны или холдинги имеют больше возможностей для инновационного обновления техники и технологий, диверсификации производства, диалога с конкурентами на внешнем рынке.

По мнению экономистов, это не исключает функционирования отдельных сельхозпредприятий, если они интегрируются в систему сквозной продовольственной кооперации, будут занимать и обеспечивать определенные торгово-рыночные ниши в общенациональной рыночной сфере, работать по согласованным правилам или действовать в рамках известных продовольственных брэндов как структурные подразделения известных суперфирм и компаний¹².

Однако укрупнение сельхозпредприятий имеет не только положительный эффект, но и способно породить социально-экономические риски, нарушающие традиционный сельскохозяйственный уклад страны. В частности, это происходит сейчас с голландским сельским хозяйством. Ведущие финансисты и предприниматели этой страны, живущие по законам глобальной экономики и контролирующие многие секторы мировых рынков продовольствия, в последние годы усиливают давление на производителей-фермеров. Это вызвано всё увеличивающейся долей в общем объеме продовольствия дешевых продуктов питания, для производства которых используются дешевые ингредиенты. Заказ на удешевление обусловил внедрение новых технологий, что выразилось в требованиях к первичным производителям сельхозпродукции, в частности к их укрупнению и техническому переоснащению.

По мнению одного из крупных голландских исследователей декана факультета социологии Аграрного университета в Вагенингене Яна Дауэ ван дер Плуга, проходящая сейчас «модернизация» есть ничто иное, как перестройка традиционного фермерского производства страны под требования накопления капитала агробизнесгруппами. Сами фермеры ощущают это давление в форме возросшего для них риска потерять работу, в увеличении продолжительности рабочего времени, в усилении зависимости от банков. Прогнозируется также неизбежное (в случае уступки давлению агробизнесгрупп) усиление разрушительного воздействия на почву, избыточная концентрация химических веществ и другие негативные явления экологического характера¹³. В этой связи в западных странах с особой силой вновь возникает движение за возобновление серьезной протекционистской политики государства не только в отношении внешних иностранных конкурентов, но и внутренних капиталов. Предметом государственного регулирования становятся земельный рынок, региональное планирование, мелиоративные и другие почвосберегающие мероприятия, а также занятость населения.

При этом необходимо добавить: для более полного использования человеческого потенциала деревни необходима кооперация как крупных коллективных хозяйств, так и фермерских, крестьянских и личных подсобных хозяйств (ЛПХ) товарно-потребительского типа.

Как показала практика, несмотря на то, что крестьянское и личное подсобное хозяйство базируются на использовании ресурсов и трудового потенциала сельских семей, а возможно, и благодаря этому, они выступают наиболее гибкой, достаточно устойчивой и самонастраивающейся организационно-правовой формой в производстве сельхозпродукции. Интеграция крупных коллективных и личных подсобных хозяйств позволяет крестьянам совмещать основную работу с вторичной занятостью в своем хозяйстве, получать помощь от коллективных хозяйств (техникой, кормами, семенами, продукцией и др.) и благодаря этому иметь не только продукты потребления, но и товар на продажу. Данные социологических опросов и статистики показывают, что ЛПХ в Беларуси хотя пока и не носят сугубо товарного характера, тем не менее дают немалый объем сельхозпродукции. По данным статистики, в ЛПХ, включая крестьянские (фермерские), на площади 988,5 га пашни в 2005 г., несмотря на отсутствие государственной помощи, произведено около 50 % общего объема валовой продукции в фактически действующих ценах: 92 % картофеля, 89 % овощей, 27 % молока, 21 % мяса, 38 % яиц¹⁴.

При этом в крестьянских хозяйствах, ЛПХ и крупных хозяйствах стихийно сложилась специализация в производстве продуктов животноводства и растениеводства. Конечно, появилось много других проблем: чрезмерная интенсификация домашнего труда, неравномерность трудовых затрат у мужчин и женщин, изменение роли женщины в семье и др., но можно предположить, что крепкие ЛПХ являются первым шагом к созданию крестьянского

хозяйства товарного типа. Они дают возможность, с одной стороны, для интеграции с СПК (ЧУП), с другой – в некоторых случаях трансформируются в крестьянские или фермерские хозяйства. Наиболее приспособленной и оптимальной формой кооперативного хозяйствования в наших географо-климатических и социально-культурных условиях, кроме кооперации крупных предприятий, является кооперация фермерских, крестьянских хозяйств и добровольная кооперация личных подворий.

Но, развивая идею укрупнения, кооперации общественного сельхозпроизводства, необходимо реализовывать ее осторожно и продуманно. Так, учеными Центра аграрной экономики предлагается сконцентрировать внимание государства на эффективных крупных предприятиях, расформировать слабые и отстающие СПК, перевести последние в иные формы организации хозяйства. С этим трудно согласиться, так как возникает вопрос: «Почему необходимо помогать крупным эффективным предприятиям?» На наш взгляд, государственные дотации должны идти не в эффективные предприятия (они уже сами могут расширять свое производство), а на поиск и поддержку новых организационных форм сельскохозяйственного труда для расформированных, пока слабых, но способных набрать благодаря помощи государства, СПК, ЧУП, кооперативов, различных хозяйствующих субъектов. Основная цель протекционистской политики государства в отношении ЛПХ, крестьянских хозяйств и добровольной крестьянской кооперации – привлечь к сельскохозяйственному труду работников, высвободившихся из сферы общественного производства в результате укрупнения предприятий и их технической и технологической модернизации. В частности, помощь должна оказываться фермерским, крестьянским и личным хозяйствам на организацию различного вида кооперативов, охватывающих все население села. Футурологические прогнозы насчет повышения благосостояния крестьян народными промыслами и агротуризмом по меньшей мере утопичны. Для насыщения рынка этих услуг достаточно 1 % сельского населения. Да и смысл реформы АПК состоит именно в развитии крестьянской активности, сохранении крестьянского труда и образа жизни. Только он остановит миграцию молодежи в города и внесет вклад в выполнение продовольственной программы.

Дело в том, что экономическое поведение крестьян нельзя анализировать безотносительно к особенностям крестьянского образа жизни, исключительно в качестве *homo-economicus*, подобно горожанам, заводским либо сервисным работникам. Исторический опыт показал, что ориентация на то, чтобы крестьянин отказался от мелкособственнических мотивов и превратился в обычного наемного работника сельскохозяйственных «фабрик зерна», ничем хорошим не увенчалась. Более того, она приводила к постепенному раскрестьяниванию сельского труженика, т. е. к отчуждению его от труда и средств производства (земли, животных, растений и т. п.), к потере мотивации к труду, утрате чувства привлекательности сельского образа жизни и природной среды обитания.

Подобная организационная парадигма имеет основу в двух теоретических установках: в ориентации сельхозпроизводства исключительно на эффективность, прибыль в ущерб смысложизненному и социально-культурному бытию крестьянства и западнцентристской идее, что мелкий крестьянин как и всякий пережиток отжившего способа производства, неудержимо идет к гибели. Он – будущий пролетарий.

Нужно сказать, что этот западнцентристский принцип последовательно начал проводиться на селе в первые годы советской власти, считавшей единственно разумной формой организации сельского хозяйства крупномасштабные эффективные социалистические «фабрики зерна». Земледелие, основанное на семейном хозяйстве, рассматривалось как переходное и устаревшее. И хотя прошли десятилетия, дилемма: какая – американская

или прусская – модель хозяйствования более приемлема в современном селе, все еще находится на стадии обсуждения. Либо крупные сельхозпредприятия, «затягивающие» крестьянина на полный рабочий день (и тогда нет времени для ЛПХ, тогда безразлично, где жить, где работать – в деревне, в городе, в лесу, на приисках, торфяниках и т. п.), либо крестьянские (фермерские) хозяйства, желающих заводить которые уже слишком мало (так как процесс раскрестьянивания окончательно «освободил» крестьян от привязанности к земле, от осознания своей неразрывности с ней).

Социологические исследования показали, что до сих пор современное состояние крестьянского экономического поведения в Беларуси основывалось на некой адаптивной форме хозяйствования: ЛПХ в симбиозе с крупным сельхозпредприятием. С переходом же сельского хозяйства на рыночные отношения, появлением частных собственников (ЧУП, фермеров и др.) часть работников освобождается из сферы общественного производства. И здесь появляется новая проблема, связанная с возможностью существования ЛПХ и использования человеческого потенциала крестьянской семьи в условиях рыночного хозяйствования крупных сельхозпредприятий, ориентированных исключительно на эффективность. При этом необходимость в ЛПХ и крестьянских хозяйствах будет особенно острой, так как для освобожденных трудовых ресурсов они становятся основным способом получения дохода.

Таким образом, рациональное использование человеческого потенциала белорусской деревни путем обеспечения всеобщей занятости в различных типах экономики (как формальной, так и неформальной), расширение возможностей предприятий и хозяйств с различными формами собственности, использование всех типов кооперативного движения являются стратегическим подходом к повышению эффективности сельского хозяйства и развития села в Беларуси.

¹ См.: Стратегия устойчивого развития АПК – продовольственная безопасность. Мн., 2008. С. 31.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 66.

⁴ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв.: в 3 т. М., 1986–1992; Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 2004; Рахаев Б.М., Рахаева Л.М. Структурная целостность национального хозяйства как условие его экономической динамики // Общественные науки и современность. 2007. № 2. С. 117–126.

⁵ См.: Стратегия устойчивого развития АПК – продовольственная безопасность. С. 209.

⁶ Там же. С. 67–68.

⁷ См.: Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики. Проблемы сохранения и развития. М., 2007. С. 40.

⁸ Там же. С. 140.

⁹ Там же. С. 150.

¹⁰ Стиглиц Дж. Россия должна преодолеть извращения ельцинизма // Российская Федерация. 2004. № 7. С. 44.

¹¹ Стратегия устойчивости развития АПК – продовольственная безопасность. С. 396.

¹² Там же. С. 49.

¹³ См.: Никольский С.А. Аграрный курс России. М., 2003. С. 308.

¹⁴ См.: Стратегия устойчивости развития АПК – продовольственная безопасность. С. 395.

Поступила в редакцию 12.08.08.